
Александра Крамиш
Пока чай остывает
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александра Крамиш

Пока чай остывает

«Автор»
2025

Александра Крамиш

Пока чай остывает / Александра Крамиш — «Автор», 2025

Медленный роман о тихом одиночестве, реке вспять и человеке, который остался Анна сбежала из Европы, чтобы исчезнуть. Взяла билет без плана, выбрала случайный город на карте и оказалась в Яншо — китайской деревне, где река течёт не туда, где чай варят не ради вкуса, а чтобы дышать, а в комнате 417 можно услышать то, что давно молчало внутри. Она не ищет приключений. Не ищет любви. Только тишину. Но находит — Ли Вэя. Молчаливого, растрёпанного, с гитарой и тяжёлым взглядом. Он исчезает по утрам, никогда не говорит до конца, и умеет на ощупь находить уязвимость в других. Анна остаётся. В городе, где никто не торопится жить. Она пьёт чай, перечитывает старые тетради, спит под звук дождя, слушает чужие истории и учится не бояться своей. И когда Ли Вэй уходит — по-настоящему — она остаётся. Не потому что сильная. А потому что теперь умеет быть в одиночестве. Не в пустоте. А в себе. Это роман о тех, кто не справился, не стал счастливым, не нашёл смысла — но остался. И сделал из этого выбор.

© Александра Крамиш, 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Александра Крамиш
Пока чай остывает

Глава 1

Анна вышла из автобуса, и первое, что её поразило – абсолютная тишина. Не та искусственная, что бывает в пустых комнатах, а глубокая, живая, наполненная шепотом реки, шелестом листьев и далёкими криками птиц. После Шанхая, где гул машин и людской гомон не стихали даже ночью, эта тишина казалась почти физической, как тёплое одеяло, наброшенное на плечи. Девушка замерла на мгновение, впитывая её всем своим существом. Чувствуя, как напряжённые мышцы спины постепенно расслабляются, а дыхание выравнивается, становится спокойнее.

Гестхаус стоял в стороне от главной улицы, утопая в зелени. Дорога к нему петляла между низкими каменными стенами, поросшими мхом, а под ногами хрустели опавшие листья. Рубиновые, жёлтые, оранжевые словно кто-то небрежный рассыпал по земле кусочки заката. Анна шла медленно, стараясь запомнить каждый звук, невиданный прежде оттенок цвета, не осязаемую атмосферу новой жизни. Бархатистую шероховатость камня под пальцами, влажный запах земли, мелодию, ласкающую барабанные перепонки, исходящую из жилого дома по правую руку. В воздухе витал запах жареного тофу, дыма и чего-то сладковатого. Позже Анна узнает, что это аромат каштанов, которые продаёт пожилая женщина у входа в гестхаус.

Женщина сидела на складном табурете, закутанная в тёмно-синюю шаль, несмотря на то, что на улице было достаточно тепло. Перед ней дымилась небольшая жаровня, на которой, в чугунной сковороде, подрумянивались каштаны. Их коричневая кожура лопалась, обнажая золотистую мякоть. Шипение углей, глухое потрескивание гладких скорлупок, густой сладковатый дымок, стелющийся в прохладном воздухе – всё это сливалось в уютную симфонию простых, но таких живых звуков. Анна закрыла глаза вдыхая этот запах, и вдруг почувствовала, как что-то внутри неё откликается. Тёплое, почти забытое чувство, будто детство, затерянное среди небоскрёбов и бесконечных дедлайнов, ненадолго вернулось к ней.

Старушка подняла на неё взгляд, и в её морщинистом лице мелькнуло понимание.

– Попробуешь? – спросила она, протягивая бумажный кулёк с только что снятыми с жаровни каштанами.

Анна взяла один. Он обжёг пальцы, но девушка не отдернула руку. Очистив скорлупу, она откусила кусочек. Мякоть была нежной, рассыпчатой, с лёгкой горчинкой и послевкусием дыма.

– Спасибо, – прошептала она, и в этот момент поняла, что впервые за долгое время чувствует себя… Дома?..

Не в конкретном месте, а в этом состоянии, когда мир вокруг больше не давит, а обнимает.

Где-то вдали хихикнула чайка, ветер шевельнул листья и Анна улыбнулась. Женщина достала из складок одежды пачку сигарет без фильтра. Смятых, будто они пролежали в кармане не один год.

– Куришь?

– Нет, – ответила Анна, но почему-то взяла одну.

Дым оказался едким, будто в нём смешалась сажа и перец чили. Он щипал глаза и оставлял на языке привкус железа. В этом смоге струилась горькая правда. Не та, что в лёгких ментоловых сигаретах из шанхайских баров, а грубая, не приукрашенная, как сама эта женщина.

– Что ты здесь ищешь? – поинтересовалась женщина, глядя прямо перед собой.

– Я путешествую.

– Все путешествуют. Но не все остаются собой в новом месте.

Она затянулась, выпустила дым колечком, и он медленно растворялся в воздухе.

– Время тут течёт медленно, – задумчиво прошептала Анна, – словно рижский бальзам.

Однажды, в каком-то журнале, она вычитала эту аллегорию и впервые смогла применить ее.

– Да, ты права, а ещё оно переплетается с тишиной. Такой липкой и теплой, понимаешь? Знаешь почему?

Анна отрицательно покачала головой.

– Потому что здесь никто не торопится жить и не спешит умирать, – вымолвила женщина, медленно помешивая каштаны черной, обугленной лопаткой.

Смахнув пепел на землю, она взглянула на Анну, будто ожидала, что то ей ответит.

Девушка нахмурилась.

– А разве тишина – это тоже про жизнь? Как и время?

Старуха прищурилась, будто всматривалась не в Анну, а в нечто внутри неё. В порхающее сердце, а, быть может, незримую душу.

– Шум – это когда люди бегут. От себя. От мыслей. От завтра, что всё равно настигнет их. Здесь же никто не убегает. Поэтому так тихо.

Ветер донес запах жженой листвы, и Анна невольно вдохнула глубже, как будто пыталась втянуть в себя не только воздух, но и смысл этих слов.

– Значит, если я слышу тишину, я уже не бегу?

Незнакомка рассмеялась. Коротко, хрипло.

– Ты слышишь её, потому что замедлилась. Но остановилась ли?

Анна посмотрела на свои руки, на чуть дрогнувшие пальцы, на следы от ногтей, впившихся в ладони в последний раз, когда начальник орал на неё из-за опоздания на три с половиной минуты.

– А как понять, что остановился?

Пожилая женщина протянула девушке ещё один каштан.

– Когда перестанешь бояться, что тишина тебя съест.

И в этот момент где-то далеко, за холмами, прокричала очередная птица. Одинокий, чистый звук, будто пробивает дыру в ткани мира. Анна вдруг осознала, что не вздрогнула.

– Значит, я уже здесь?

Женщина накрыла жаровню тряпицей, и дымок стал тоньше, почти прозрачным.

– Нет. Но ты начала слушать. А это первый шаг.

Гестхаус был старым. Деревянные ступени, стертые поколениями постояльцев, жалобно скрипели под ногами, будто рассказывая историю каждого, кто поднимался по ним. В узком коридоре воздух был густым от запахов: горьковатый ладан, въевшийся в деревянные стены; сырость старых камней; едва уловимая нота чего-то цветочного, возможно, засохших букетов, оставленных прошлыми гостями.

Комната Анны на третьем этаже оказалась капсулой времени. Узкая железная кровать с потертым шерстяным покрывалом. Тонкий матрас, хранящий отпечатки тел предыдущих жильцов. Деревянный стол у окна, поцарапанный, с выцветшим лаком и пятнами от стаканов. Шкаф с выщербленными уголками. Его дверцы чуть перекосились от времени, а внутри пахло

чем-то вроде саше для белья и давно забытыми вещами. Анна провела пальцем по поверхности. Пыль легла тонким бархатным слоем, будто комната ждала именно ее все эти месяцы, а, быть может, годы.

Но главное чудо ждало у окна.

Оно было старым, с деревянной рамой, окрашенной в выцветший голубой цвет. Стекла чуть волнистые, с пузырьками воздуха, искажали мир, делая его похожим на акварельный рисунок. Анна распахнула створки, и в комнату ворвался влажный речной воздух, смешанный с ароматом цветущих где-то внизу кустов жасмина.

Река.

Она лежала внизу, широкая и ленивая, как дракон, свернувшийся между холмов. Вода, отражая закат, переливалась всеми оттенками меди. От темной, почти бурой у берегов, до ослепительно золотой на середине русла. По мелководью важно вышагивали цапли. Их белоснежные силуэты отражались в воде, как в кривом зеркале. Длинные ноги оставляли на илистом дне загадочные письмена, которые следующий прилив безжалостно стирал.

А дальше, за полосой камышей, начинались горы. Карстовые исполины, покрытые дымкой, будто кто-то набросил на них полупрозрачный шелк. Их очертания дрожали в мареве, то появляясь четкими контурами, то расплываясь в акварельных разводах. Самые дальние пики казались призраками, нарисованными разбавленной тушью на старинном свитке.

Анна присела на широкий подоконник, почувствовав, как прохлада выбеленного дерева проникает сквозь тонкую ткань ее шорт. Она провела пальцами по карману, нащупав там единственную сигарету – ту самую, что женщина у жаровни сунула ей вместе с кулечком каштанов. "На дорожку", – хрипло усмехнулась та, и теперь, держа тонкую самокрутку в руках, Анна понимала, что это был своеобразный ритуал передачи чего-то большего, чем просто табак.

Самокрутка была сделана небрежно. Бумага морщинистая, слегка липкая от влажного утреннего воздуха. Девушка поднесла её к носу. Вместо привычного промышленного запаха ощутила приятную горчинку с нотками сушёных трав и чего-то древесного, возможно, коры ивы или кедра, которые женщина добавляла в табак.

Она зажала сигарету между губами, чиркнула спичкой, и первый глоток дыма обжёг горло неожиданной жгучестью. Это не было похоже на обычные сигареты. Дым плотный, обволакивающий, с послевкусием тлеющих осенних листьев. Анна закашлялась, чувствуя, как её глаза наполняются слезами, но почти сразу по телу разлилось тепло, будто выпила глоток крепкого виски. Прислонившись к оконной раме, она наблюдала, как дым смешивается с вечерним воздухом. Самокрутка тлела неравномерно, временами вспыхивая ярче, и тогда в воздухе появлялись новые оттенки аромата. Теперь Анна уловила в нём сладость мёда и терпкость полыни.

Окурок она раздавила о подоконник, прижав его большим пальцем, пока тлеющий кончик не погас, оставив после себя чёрную метку на выщербленном дереве. Это была не первая такая отметина – весь подоконник был испещрён подобными следами, словно был гостевой книгой для тех, кто приходил сюда курить в одиночестве, глядя на реку. Анна провела пальцем по старым ожогам, ощущая шероховатость обугленной древесины. Каждый из них хранил чью-то историю: вот едва заметная точка – кто-то торопился; здесь вытянутая полоса – кто-то медлил, не желая уходить; а этот, глубокий, с облупившейся краской вокруг – оставлен с силой, возможно, в момент гнева или отчаяния.

"Что я здесь делаю?" – мысль прозвучала громко, но без привычной тревоги. Здесь, в этом забытом Богом месте, даже внутренний голос звучал по-другому. Тише, нежнее.

Ответом ей было лишь мерцание реки, безмолвие гор и тонкая струйка дыма, тянущаяся к небу, такому же бескрайнему и безразличному, как и ее одиночество.

Где-то внизу заскрипели качели, засмеялся ребенок, прозвенела посуда. Жизнь продолжалась, но здесь, в этой комнате с небесными ставнями, время словно остановилось, подарив ей редкий момент покоя.

Вдруг за дверью раздались шаги. Лёгкие, но неосторожные, будто человек не видел смысла скрывать своё присутствие. Анна замерла. Сигаретный дым ещё висел у неё в лёгких, когда раздался стук. Не в её дверь, а в соседнюю, но такой силы, что тонкая перегородка дрогнула, и на полку упала потрёпанная книга.

– Чэнь! – голос прозвучал слишком громко для вечерней тишины, – ты обещал вернуть деньги сегодня!

Тишина в ответ была густой, как смола. Затем новый удар. На этот раз кулаком, от которого задрожали стёкла в окне Анны. Она инстинктивно прижалась к стене, чувствуя, как её сердце колотится в такт этому вторжению в её мимолётный покой.

– Он сбежал? – уже тише пробормотал голос, и шаги затихли вдалеке, оставив после себя вибрирующую тишину.

Но прежняя безмятежность уже была нарушена. Тишина теперь казалась иной. Не мирной, а настороженной, будто сам дом затаил дыхание, ожидая продолжения. Даже река за окном текла как-то тише, а горы вдали потемнели, слившись с наступающей ночью. Анна вздохнула, и её выдох смешался с остатками дыма, всё ещё витающего в комнате. Последним напоминанием о том кратком моменте умиротворения, который уже ушёл, как уходит тепло от окурка, оставленного на холодном подоконнике.

Тени гор уже накрыли долину, когда Анна почувствовала, как голод медленно разворачивается в её чреве подобно ленивому удаву. Она спустилась по скрипучей лестнице, которая под её шагами издавала звуки, похожие на стоны. Каждая ступень прогибалась под её весом, будто предупреждая: здесь всё временно, всё ветхое, ничего не держится крепко.

Двор представлял собой крошечное пространство заросшее диким виноградом, который цеплялся за всё, до чего мог дотянуться. Два пластиковых стола, выцветших от солнца и дождей, стояли неровно на каменных плитах, покрытых мхом. Один из них качался при малейшем прикосновении. Под ножкой находилась сложенная газета, пожелтевшая от времени.

Хозяйка, женщина с лицом, будто вырезанным из старого корня, стояла у походной плиты. Её руки, покрытые сетью тёмных прожилок, механически перемешивали содержимое казана. Дым от плиты поднимался вверх, смешиваясь с запахами вечера, влажной землёй, цветущим где-то жасмином и мочёными овощами.

– Ужин – десять юаней, – бросила она, не отрывая взгляда от котла, – рис, овощи, рыба.

Анна присела за ближайший стол. Поверхность была липкой от влаги, а в трещинах пластика застряли крошки и зёрнышки риса – следы предыдущих постояльцев. На столе лежали бамбуковые палочки, потрёпанные множеством рук. Их концы расслоились от постоянного использования. Рядом стояла пластиковая миска с потускневшими от времени разводами. Когда-то она была кремовой, но теперь больше походила на цвет грязного снега.

Через несколько минут перед Анной поставили тарелку. Белый рис, сваренный до состояния кашицы, занимал половину пространства. Рядом лежала тушёная капуста. Её листья потеряли цвет и напоминали теперь бледные морские водоросли. Но больше всего привлекал внимание небольшой кусок рыбы, с сероватой кожей. Её глаз, мутный и покрытый плёнкой, смотрел в потолок, отражая последние лучи заката. Жабры приоткрылись, будто рыба сделала последний вдох уже на тарелке.

Анна взяла палочки, почувствовав, как они прилипают к её пальцам. Первый кусок риса оказался безвкусным, лишь тёплая масса, заполняющая рот. Капуста отдавала чесноком и ферментированным соусом, который стоял слишком долго. Когда хозяйка озвучила сумму всего в десять юаней Анна удивилась, но после того, как она отведала сие великолепие все стало на свои места.

Именно в этот момент из темноты материализовался кот. Он появился бесшумно, словно тень, отделившаяся от общей массы сумерек. Его шерсть была неопределённого цвета. Не

серая, не рыжая, а скорее оттенок пыли, покрывающей старые дороги. Он уселся рядом. Зелёные глаза с вертикальными зрачками следили за каждым движением палочек девушки.

– Тебе тоже досталось? – прошептала Анна.

Её голос звучал громче, чем она ожидала, нарушая вечернюю тишину.

Она отделила кусочек рыбы, мясо легко отошло от хребта, оставив после себя сероватые волокна, и бросила коту. Тот поймал добычу в воздухе, даже не встав с места. Но вместо того, чтобы исчезнуть с трофеем, он остался сидеть, не сводя с неё глаз.

– Он не просит. Он напоминает.

Голос раздался за её спиной так неожиданно, что Анна вздрогнула, чуть не уронив палочки.

На пороге стоял мужчина, окрапленный последними лучами заката. Высокий и угловатый, как старая сосна на горном склоне. Его тело, вытянутое и жилистое, казалось высеченным ветрами и непогодой. В каждом движении чувствовалась не спортивная подтянутость, а природная, дикая выносливость, словно он мог пройти сотню миль без отдыха. Рубашка, некогда синяя, а теперь выцветшая до бледно-голубого оттенка, болталась на нем свободно, открывая острые ключицы и тонкие, но крепкие запястья.

Его лицо было загадкой, мозаикой кровей и культур. Широкие скулы смягчались плавным изгибом челюсти. Узкие, миндалевидные глаза, темные, как ночь над степью, утопали под тяжелыми веками, придававшими взгляду томную, почти ленивую глубину. Брови, густые и дугообразные, резко изгибались посередине, словно дорога, внезапно уходящая в гору. Нос прямой, с легкой горбинкой, не широкий, как у большинства местных жителей.

Кожа его была золотисто-медовой, словно он провел жизнь не под прямым солнцем, а в его отражении. В бликах на воде или в свете, пробивающемся сквозь листву. Волосы, каштановые с рыжеватым отливом, казалось, выгоревшие за долгие странствия, были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались отдельные пряди, падающие на виски и шею.

А когда он повернулся, в его левом зрачке Анна заметила странность – он был чуть темнее правого, словно в этом глазу ночь наступала раньше.

Тут же задул ветер и принес запах незнакомца. Он пах дождем, конопляной веревкой и чем-то горьким… Можжевельником и полынью или дорогой, что не приведет домой.

За его спиной висела гитара в потёртом чехле. Потертости на нём располагались в определённых местах, выдавая привычку владельца носить инструмент на одном и том же плече.

– Напоминает о чём? – спросила она, чувствуя, как её голос звучит чуть хрипло.

Мужчина сделал шаг вперёд, и свет от висящей лампы упал на его лицо. Теперь Анна увидела морщины вокруг глаз – не возрастные, а те, что появляются от привычки щуриться против солнца.

– О том, что всё имеет цену. Даже то, что кажется бесплатным.

Он прошёл мимо, не задерживаясь. Его рука на мгновение коснулась спинки стула. Пальцы были длинные, с плохо зажившими порезами на костяшках.

Кот тем временем всё ещё сидел на месте, вылизывая лапу. Анна бросила ему ещё один кусочек, но на этот раз он даже не пошевелился, лишь перевёл взгляд на мужчину, который уже скрылся в доме.

Анна доедала рис, чувствуя, как каждый кусок опускается в желудок, тяжёлый и безвкусный. А кот продолжал сидеть, его зелёные глаза теперь отражали свет из окна, превращаясь в два маленьких фонаря в наступающей темноте.

Перед сном Анна разложила на кровати карту Яншо – старую, купленную на станции у бойкого старика, уверявшего, что она «последняя, совсем точная». Бумага была тонкой, прозрачной на свету, с желтоватыми разводами по краям, будто её не раз роняли в воду. Сгибы

карты превратились в белые трещины, а в углу кто-то когда-то пролил чай, оставив коричневое пятно, напоминающее очертания несуществующего острова.

Но чем дольше она вглядывалась в извилистые линии троп и названия деревень, написанные иероглифами старого образца, тем больше понимала: эта карта ведёт не только в пространство, но и во время. Здесь были места, которых больше нет.

Река М., обозначенная жирной синей линией, теперь пересохла в верхнем течении. Анна видела сегодня её жалкий ручеёк, бегущий меж оголённых камней. Каменный мост, изображённый аккуратной гравюрой, был разрушен наводнением три года назад. Об этом ей рассказывала хозяйка гестхауса за чашкой горького чая. Деревня О., отмеченная скоплением домиков, теперь представляла собой лишь бетонный фундамент. Местные жители говорили, что землю выкупили под строительство нового отеля премиум-класса.

Анна провела пальцем по бумаге, ощущая подушечкой шероховатость типографской краски, едва различимые выпуклости рельефа, нанесённого специальной печатью. Вдруг её палец остановился на едва заметной точке, крошечном крестике, нарисованном чьей-то ручкой в стороне от основных троп. Ни названия, ни пояснений только этот знак, будто кто-то хотел запомнить, но не желал делиться.

Стук в дверь.

Анна почувствовала, как по её спине пробежали мурашки. Странное ощущение, будто этот стук был предназначен именно ей, хотя она никого не ждала.

– Кто там? – её голос прозвучал громче, чем она ожидала.

Ответа не последовало.

Только лёгкий скрип половиц в коридоре, будто кто-то отошёл, не дождавшись. Не торопясь, удаляясь, оставляя за собой лишь тишину и лёгкий аромат жареных каштанов, просочившийся сквозь щели двери.

Анна подождала три удара сердца, они отдавались в её висках, гулко, как шаги по пустому коридору, затем подошла к двери. Деревянный пол был холодным под её босыми ногами. Стальная ручка, с потёртыми краями оказалась прохладной и слегка влажной, будто её только что держали в потной ладони. Дверь со скрипом отворилась.

На пороге стояла маленькая бамбуковая тарелка, точь-в-точь как у женщины торгующей каштанами. В ней аккуратным кругом лежали каштаны – восемь штук. Их коричневая кожура блестела, будто только что была обожжена. От них поднимался лёгкий пар, а вместе с ним тот самый сладковато-дымный аромат, который Анна запомнила с утра.

Но самое странное в центре круга лежал один каштан, отличавшийся от остальных. Он был меньше, почти чёрный, с выжженным на боку знаком, напоминающим иероглиф, но не совсем. Анна наклонилась ближе. Знак походил на схематичное изображение горы с расходящимися от неё волнами.

Она оглянулась. Коридор был пуст, лишь слабый свет из окна в конце бросал на пол длинные тени. Где-то капала вода. Размеренно, как ход старых часов. Ни звука шагов, ни шёпота, ни даже дыхания.

Анна взяла тарелку. Каштаны были тёплыми, как живое существо, согретое сном. Чёрный каштан оказался на удивление тяжёлым для своего размера.

Она занесла тарелку в комнату, и в этот момент с улицы донёсся звук. Едва уловимый шорох. Словно некто, стоявший всё это время в тени, наконец разжал губы и выпустил воздух, который заточил в легких на всё это время.

Дверь захлопнулась сама собой, с глухим стуком, поставив точку в этом странном ритуале. Каштаны продолжали дымиться, наполняя комнату ароматом, от которого на глаза Анны неожиданно навернулись слёзы. Почему-то она вспомнила бабушку, которая когда-то давно, казалось, в другой жизни, пекла для неё пирожки с фасолью в печке старого дачного

дома. И только сейчас, в этой комнате с голубыми ставнями, она поняла, что бабушка никогда не делала ничего подобного.

Утро в Яншо начиналось не с солнца, а с тумана. Он поднимался от реки, как пар из огромной чаши. Медленный и густой, он заползал в щели между домами, окутывая ступени и скамейки, пропитывая деревянные стены так, что они потемнели, будто наливаясь влагой до самых сердцевин. Горы на горизонте растворились в этой дымке, превратившись в размытые акварельные пятна. Сизые, почти прозрачные, будто кто-то написал их на мокрой бетонной стене и вот-вот смоет.

Анна проснулась от крика петуха. Резкого, пронзительного, будто ножом разрезающего предрассветную тишину. Где-то за рекой, там, где туман был особенно плотным, пряталась деревня. Девушка пыталась вспомнить, видела ли её на карте, но там были только пустые места, белые пятна между извилистыми линиями троп.

Она спустилась во двор, где хозяйка развешивала мокрое бельё. Оно казалось серым в этом свете, бесцветным. Капли воды, падающие с него на каменные плиты, оставляли тёмные следы, которые тут же исчезали, поглощаемые утренней сыростью.

Воздух пах влажной землёй, дымом, травами и кореньями, которые кто-то уже положил в кипящую воду.

– Чай? – не оборачиваясь, спросила хозяйка.

– Да, спасибо.

Женщина кивнула и, не прекращая развешивать бельё, ногой подтолкнула в сторону Анны низкий деревянный столик. На нём стоял глиняный чайник и единственная фарфоровая чашка с трещиной, идущей от края вниз, как молния.

Чай оказался горьким, с привкусом дыма и лёгкой терпкостью, от которой слегка сводило губы. Но после первого глотка Анна почувствовала, как тепло растекается по телу, будто кто-то разлил внутри неё жидкий янтарь.

– Ты вчера познакомилась с Ли Вэем? – вдруг спросила хозяйка, всё так же не глядя на неё.

Анна замерла с чашкой в руках.

– Тот, что с гитарой? – уточнила девушка.

Ответа не последовало.

– Он просил передать, что если хочешь отведать настоящий байцзю приходи в «Дом Журавля» к десяти утра.

Анна хмыкнула. "Настоящий байцзю" – звучало как угроза. Она знала, что это за напиток. Крепкий, обжигающий, с послевкусием, которое остаётся во рту на весь день, как напоминание. В Шанхае его пили бизнесмены в дорогих ресторанах, разбавляя водой и закусывая сладкими фруктами, чтобы не сжечь горло. Но здесь, в Яншо, «настоящий» байцзю, скорее всего, означало что-то другое. Напиток, который не разбавляют, не смягчают, который пьют не для удовольствия, а чтобы конкретизировать свою жизнь, начертить её схему на дне стакана.

Залпом допив чай, девушка поставила чашку на стол и кивнула.

– А где этот «Дом Журавля»?

Хозяйка наконец повернулась к ней.

– Иди вдоль реки. Когда увидишь красный фонарь на бамбуковом шесте – пришла.

Анна вновь кивнула. Туман медленно рассеивался, и где-то в его глубине уже угадывалось солнце. Бледное, безжизненное, подобно монете, забытой на дне колодца.

Она подумала, что могла бы не идти. Могла бы просто гулять, смотреть на горы, пить чай и есть каштаны, забыв про странного мужчину с гитарой и его приглашения. Но тогда это был бы уже не её Яншо. А значит, надо было идти.

Ли Вэй ждал её у каменного моста, куря самокрутку. Он стоял, прислонившись к мшистому парапету. Когда Анна подошла ближе, она заметила, что мост и в самом деле полуразрушен. С одной стороны не хватало целого пролёта, и вместо него торчали ржавые арматурные прутья, отдаленно напоминающие сломанные рёбра.

Увидев её, Ли Вэй ухмыльнулся, обнажив ряд ровных белоснежных зубов.

– Ну что, смелая? Или просто глупая?

– Почему сразу глупая? – Анна скрестила руки на груди, чувствуя, как утренний туман оседает на её коже мельчайшими каплями.

Он сделал последнюю затяжку, затем бросил окурок в реку. Тот на мгновение задержался на поверхности, словно не решаясь уплывать. Но, всё же, течение подхватило его и понесло вниз, к тому месту, где вода делала крутой поворот и исчезала за скалами, покрытыми туманом.

– Потому что нормальные люди в десять утра не пьют, – сказал он, отталкиваясь от парапета. – especially то, что варят здесь.

Он двинулся вперёд, не проверяя, идёт ли Анна за ним.

«Дом Журавля» оказался не забегаловкой, а скорее харчевней. Низкое деревянное здание, покосившееся набок, будто оно устало стоять ровно все эти годы. Вывеска, когда-то синяя с золотыми иероглифами, теперь была выцветшей. На ней едва угадывался силуэт белого журавля. Остались только контуры да один глаз, выписанный когда-то с особой тщательностью. Теперь он смотрел на прохожих с упрямым вызовом, будто говоря: «Снова ты? Скоро окончательно сопьешься!».

Перед входом, за низким столиком из грубого дерева, сидела пара стариков, погружённых в маджонг. Их пальцы, узловатые от возраста, с лёгкостью передвигали костяшки, издавая сухой стук. Они даже не подняли голов, когда Анна и Ли Вэй прошли мимо.

– Не обращай внимания, – шепнул он, придерживая дверь, – они тут часть пейзажа. Как эти горы.

Внутри пахло дымом, соевым соусом и чем-то ещё. Свет проникал только через маленькие зарешеченные окна, оставляя большую часть помещения в полумраке.

В дальнем углу, за столом, покрытым потрёпанной клеёнкой, сидел мужчина с лицом, напоминающим высохшую грушу. Перед ним стояло несколько бутылок без этикеток, наполненных мутноватой жидкостью.

– А вот и она, – сказал Ли Вэй, усаживаясь напротив, – говорил же придёт.

Старик медленно поднял на Анну глаза. Его взгляд был настолько прозрачным, что казалось, он видит не её, а что-то за ней. Быть может, её прошлое, а возможно, будущее.

– Ну что, иностранка, – произнёс он хрипло, – готова узнать вкус настоящего Яншо?

И протянул ей маленькую фарфоровую чашку, наполненную до краёв прозрачной жидкостью, которая, как Анна сразу поняла, была просто не алкоголем. Скорее вызовом. Испытанием. Возможно, даже посвящением.

Запах ударил в нос Анне, как грубая ладонь по щеке: тушёная свинина с жирными нотами, острый перец, щедрость соевого соуса и… Сама душа этого места, въевшаяся в деревянные стены за десятилетия копоти, пота и крепкого алкоголя.

За стойкой, покрытой царапинами и пятнами неизвестного происхождения, стояла женщина лет шестидесяти. Её морщины расходились от глаз и губ, как трещины на старой керамике. Увидев Ли Вэя, она хрипло рассмеялась, обнажив единственный золотой зуб:

– О! Гитарист-неудачник вернулся! – её голос звучал, как скрип несмазанных качелей, – и даже свою привёл девушку!

– Не его, – быстро отрезала Анна, чувствуя, как её уши предательски нагреваются.

– Пока что, – подмигнула хозяйка, намеренно громко хлопнув деревянной крышкой кастрюли.

Они устроились за угловым столом, рядом с крошечным окном, затянутым паутиной и пылью. Сквозь мутное стекло было видно, как дымка медленно отступает, обнажая склоны гор, будто стыдливая невеста приподнимает фату.

Ли Вэй с грохотом поставил на стол бутылку.

– Это точно можно пить? – нахмурилась Анна, – выглядит как жидкость для снятия лака.

– Можно, – серьёзно ответил Ли Вэй.

Он ловко откупорил бутылку пробкой, которая явно уже видела свои лучшие дни. Аромат мгновенно заполнил пространство вокруг. Представьте себе чистый спирт, настоянный на полыни, с лёгкими нотами резиновых сапог и несбывшихся надежд.

– Ну что, Даша – путешественница, – начал он разливая содержимое по крошечным фарфоровым рюмкам, на каждой из которых красовался потрёпанный журавль. – Ты готова?

– А что, есть выбор? – Анна скептически посмотрела на свой напиток, который, казалось, испарялся прямо у неё на глазах.

– Всегда есть выбор, – философски заметил Ли Вэй, вращая рюмку в пальцах, – просто последствия разные. Например, можно выпить и стать легендой. А можно не выпить и остаться тем, кем была. Скучной иностранкой без цели в жизни.

Он поднял рюмку:

– За встречу! – и одним движением опрокинул содержимое в горло.

– Ганьбэй! – подхватил старик.

Анна, не желая ударить в грязь лицом, последовала их примеру. Мир на мгновение перестал существовать. Ощущения были примерно такими:

Первая секунда: "О, не так уж плохо!"

Вторая секунда: "Как будто проглотила утюг…"

Третья секунда: "ГДЕ ОГНЕТУШИТЕЛЬ?!"

Огонь пронзил горло, ударил в носовые пазухи, заставил глаза наполниться слезами, а мозг паническим вопросом: "ЗАЧЕМ Я ЭТО СДЕЛАЛА?!"

– Ну как? – Ли Вэй наблюдал за её реакцией с явным удовлетворением.

Анна, давясь и кашляя, сумела выдавить:

– Как… как будто меня ударили лопатой.

– Значит, хорошее байцзю, – кивнул он, – первое – всегда шок. Второе – уже привыкание. Третье…

– Третье – и я умру?

– Третье – и ты попросишь четвёртое.

Хозяйка, наблюдающая за этой сценой из-за стойки, фыркнула и крикнула:

– Эй, гитарист! Если она выживет – пусть попробует мою свинину в соусе! Лучшее противоядие!

– Если выживу, – хрипло пообещала Анна, отчаянно хватаясь за стакан воды, который, как она теперь понимала, был всего лишь декорацией.

Ли Вэй тем временем уже наливал вторую рюмку.

– Ну что, героиня? Продолжаем?

Анна посмотрела на бутылку, на свою дрожащую руку, затем на его наглую ухмылку.

– Знаешь что? Да. Но только если после этого ты сыграешь что-нибудь на своей гитаре.

– Договорились, – он поднял рюмку. – Но предупреждаю после третьей я играю как Архангел. После пятой словно Господь.

– После пятой, – парировала Анна, – я, возможно, буду готова это оценить.

И они снова опрокинули рюмки, под одобрительный смех хозяйки и равнодушные взгляды стариков, продолжавших свою партию в маджонг, будто ничего необычного не происходило.

А за окном туман окончательно рассеялся, и солнце, наконец, заглянуло в «Дом Журавля», осветив двух безумцев, решивших начать день с адского зелья. К их столу подсели двое: рыбак с руками, покрытыми шрамами от сетей и крючков, и бывший учитель математики с потухшим взглядом.

– Можно? – рыбак ткнул грязным пальцем в свободные стулья, даже не дожидаясь ответа.

– Он всегда спрашивает, когда уже сел, – хрипло засмеялась хозяйка из-за стойки.

Рыбак разлил по рюмкам мутноватую жидкость из принесённой с собой бутылки.

– А ты чего ждёшь? – спросила Анна учителя, который молча курил, выпуская дым колечками.

– Пенсии. Или смерти. Что придёт раньше, – ответил он, не меняя выражения лица.

Рыбак закатился смехом, будто это была лучшая шутка в мире, и хлопнул Анну по плечу:

– А ты откуда?

– Из Словакии.

– А-а! – его глаза блеснули, – вот почему такая красивая.

Анна не помнила, когда в последний раз смеялась так, что живот болел. Может, в университете? Или ещё раньше, в детстве, когда мир казался простым, а счастье лёгким?

Ли Вэй рассказывал, как десять лет назад приехал в Яншо «на неделю» и остался навсегда.

– А что было до? – спросила Анна, чувствуя, как алкоголь размягчает её голос.

– Шанхай. Офис. Костюм. Как у всех, – он покрутил в пальцах пустую рюмку, – каждый день одно и то же: метро, кофе, презентации, фальшивые улыбки. Как будто я играл роль в каком-то бесконечном, очень скучном спектакле.

– Почему ушёл? Как понял, что что-то не то? Что свернул не туда.

– Однажды меня осенило: если я ещё раз увижу этот проклятый небоскрёб из окна своего кабинета, то не раздумывая прыгну с него.

Он говорил это спокойно, даже с улыбкой, но Анна почувствовала, что за этими словами целая жизнь, которую он оставил там, в городе, где время текло слишком быстро, а души медленно усыхали.

– А ты? – спросил он.

– Я… не знаю. Кажется, я просто бегу.

– От чего?

– От себя.

Он кивнул, словно это был самый нормальный ответ в мире, и налил ещё.

Когда они вышли из «Дома Журавля», солнце уже клонилось к закату. Горы стали тёмными, сонными силуэтами на фоне оранжевого неба.

Анна шаталась. Ли Вэй ловко подхватил её под руку.

– Ты ещё жива?

– Нет, – честно ответила она, – я – призрак. Призрак самой себя.

Он рассмеялся и закурил, держа сигарету в зубах, пока поддерживал её.

– Ну что, теперь ты часть Яншо.

– Почему?

– Потому что здесь остаются только те, кому больше некуда идти.

Они шли медленно, и Ли Вэй по дороге напевал нечто грустное, безымянное, что смешивалось с шумом реки и криками птиц.

В комнате было темно. Анна рухнула на кровать, даже не раздеваясь.

– Спокойной ночи, призрак, – усмехнулся Ли Вэй, накрывая её одеялом.

– Спокойной ночи, гитарист-неудачник, – буркнула она в ответ, уже проваливаясь в сон.

Он постоял ещё мгновение, глядя, как её грудь медленно поднимается и опускается, затем вышел, прикрыв дверь.

Глава 2

Анна очнулась с ощущением, будто во рту кто-то выжег всю слюну паяльной лампой. Язык прилип к нёбу, словно пропитанный клеем, а в висках пульсировала тупая боль, отдававшаяся в глазных яблоках при каждом движении. Лёжа на спине девушка уставилась в потолок, где трещина в штукатурке извивалась, подобно изгибам молнии.

Вчерашний вечер всплывал в памяти обрывочно, как плохо склеенная киноплёнка. Байцзю. Слишком много байцзю. "Дом Журавля" с его тусклыми фонарями и липкими столиками. Ли Вэй, сидящий напротив с этой своей вечной полуулыбкой, когда он наливал ей очередную рюмку, говоря что-то про "настоящий яншоский градус".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.